

ЖАК ГОДШО: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Имя Жака Годшо (1907–1989), выдающегося французского историка, заслуженно пользовавшегося в международных научных кругах непререкаемым авторитетом, широко известно во многих странах и, в частности, среди исследователей Французской революции XVIII в. На протяжении своей долгой научной деятельности он внес неоценимый вклад в разработку политической истории Революции и ее влияния на другие страны. Ж.-Р. Суратто по праву считал его одним из пяти крупнейших в XX столетии специалистов по истории Французской революции, наряду с А. Оларом, А. Матъезом, Ж. Лефевром и А. Собулем¹.

Годшо вступил в большую науку в переломную для французской историографии пору, когда четко обозначилась тенденция возрастания интереса к исследованию экономической истории, что нашло отражение в деятельности Ж. Жореса и созданной в 1903 г. по его предложению Комиссии по изучению экономической и социальной истории революции, а позднее привело к основанию в 1929 г. Л. Февром и М. Блоком журнала «Анналы экономической и социальной истории». И тем не менее внимание начинающего исследователя было приковано к проблемам политической истории. Ученик А. Матъеза, Годшо по его совету приступил в 1920-х гг. к систематическому исследованию тогда еще слабо изученного периода революции – Директории. После безвременной кончины Матъеза (1932) Годшо продолжил изыскания под руководством Ж. Лефевра, которого считал одним из своих учителей. В 1933 г. он даже специально переехал в Страсбург, где работал Лефевр.

Варужан Арамздович Погосян, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Национальной Академии наук Армении. Настоящая статья была впервые опубликована по-французски (см.: AHRF. 1997. № 308. P. 305-320). На русском языке выходит с небольшими дополнениями.

¹ *Suratteau J.-R.* Jacques Godechot et le Directoire // AHRF. 1990. N 281. P. 329.

С 1935 г. Годшо начал преподавание в Высшем военно-морском училище Бреста².

С началом гитлеровской агрессии Годшо, будучи истинным патриотом, считал своим долгом, как и многие другие французские историки, сменить перо на оружие. В годы оккупации Франции преследуемый нацистами за еврейское происхождение, он принял участие в движении Сопротивления и смог вернуться к научной работе лишь после изгнания захватчиков с родной земли. Расцвет его творчества пришелся на послевоенный период, когда Годшо обосновался в Тулузе, где стал преподавать в университете. В 1961–1971 гг. он занимал там должность декана гуманитарного факультета. В Тулузе Годшо провел большую часть своей жизни и создал там свои основные труды, переведенные на многие иностранные языки. Будучи прекрасным организатором науки, он многое сделал для развития исследований по истории Революции на юге Франции³.

В 1975–1985 гг. Годшо возглавлял Комиссию Французской революции при Международном комитете историков, а с 1959 г. и до конца своей жизни являлся одним из сопредседателей Общества робеспьеристских исследований.

Я не ставлю себе целью дать здесь всестороннее освещение богатого творческого наследия Ж. Годшо – более двадцати пяти книг и двухсот статей по различным сюжетам политической истории Французской революции и Наполеоновской эпохи, многочисленные историографические обзоры. Такую задачу просто не осилить в рамках одной статьи. Моя цель скромнее: воссоздать портрет знаменитого историка через призму моего личного восприятия, а также коснуться темы его научных связей с советскими коллегами, свидетельствовавших о бескорыстной заинтересованности французского ученого в углублении и расширении сотрудничества историков двух стран.

* * *

Поступив в декабре 1977 г. в аспирантуру Института всеобщей истории АН СССР, я под руководством В.М. Далина занялся изучением политической истории времен Директории. Этот пе-

² *Godechot J.* Un jury pour la Révolution. P., 1974. P. 316-317.

³ *Godechot J.* La Révolution dans le Midi toulousain. Toulouse, 1986. О его многоплановой деятельности в этом направлении см.: *Fournier G.* Jacques Godechot et le Midi toulousain // AHRF. 1990. N 281. P. 318-328.

риод Французской революции был совершенно неразработан ни в дореволюционной, ни в советской историографии. Удивляться здесь нечему, если учесть своеобразие развития советской исторической науки: тому были весьма веские причины, суть которых я тогда не понимал. Во-первых, долгое время история Директории, в соответствии со сталинской интерпретацией Французской революции, не рассматривалась в качестве составной части последней⁴. Кроме того, французское крестьянство, удовлетворенное приобретением земельной собственности в предшествующий период Революции, не проявляло при Директории особой активности. Пассивностью тогда отличалось и поведение городских низов. Иначе говоря, в этот период не было во Франции ширококомасштабных социальных конфликтов. А поскольку для марксистской исторической науки наибольший интерес представляла именно тема классовой борьбы, история Директории почти полностью выпадала из поля зрения советских историков. По существу, их интересовала лишь история бабувистского движения⁵.

Деятельность правых политических сил, не говоря уже об истории контрреволюции, а также многие другие аспекты Французской революции, не имеющие прямой связи с классовой борьбой и идеологией народных масс, оставались для советской историографии сюжетами не слишком желательными. И сегодня, оглядываясь на обстоятельства выбора предложенной В.М. Далиным темы моей кандидатской диссертации о перевороте 18 фрюктидора (то есть, по сути, о французской контрреволюции), я поражаюсь, как она вообще была утверждена.

В первом же разговоре со мной на этот счет В.М. Далин посоветовал прочесть обобщающие монографии Матьеза и Лефевра по истории Директории⁶. И вот в первых числах января 1978 г., открыв в библиотеке ИНИОНа «Директорию» Матьеза, я впервые увидел фамилию его ученика – Жака Годшо, взявшего на себя труд подготовить к печати книгу после безвременной кончины ее автора (впоследствии он называл эту работу честью для себя⁷). После ознакомления с книгами Матьеза и Лефевра, я, не дожидаясь указаний Далина, начал сам искать необходимую мне литера-

⁴ См.: Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009. С. 121.

⁵ См.: Ченурина М.Ю. Бабёф в российской и советской историографии // ФЕ 2008. М., 2008. С. 271-294.

⁶ Mathiez A. Le Directoire du 11 brumaire an IV au 18 fructidor an V / Publié d'après les manuscrits de l'auteur par Jacques Godechot. P., 1934; Lefebvre G. Le Directoire. P. 1946.

⁷ Godechot J. Un jury pour la Révolution. P. 305.

туру в каталоге библиотеки и первым делом просмотрел карточки на книги Годшо. Передо мной открылся многообразный и радужный мир истории не только Директории, но и всей революционной эпохи. Правда, тогда же состоялось и мое первое знакомство с трудами других крупных специалистов по истории Директории – А. Соболя (его переведенные на русский язык книги я успел приобрести еще в студенческие годы)⁸, Ж.-Р. Сюратто, И. Волоха и др. Но поскольку книги Годшо по моей тематике представляли для меня наибольший интерес, я первым делом заказал именно его исследования о контрреволюции⁹. Только после этого на моем столе появились и другие его монографии, такие как «Комиссары армии в годы Директории», «Учреждения Франции в годы Революции и Империи»¹⁰ и другие, в том числе те, где излагалась теория «атлантической революции», хотя я ничего тогда о ней еще не знал. Признаюсь, я довольствовался тогда лишь беглым просмотром его книг, по сути дела не вникая в них, поскольку для глубокого осмысления у меня не хватало времени: я готовился к выступлению на заседании сектора Новой истории капиталистических стран Европы, где должны были утвердить тему моей кандидатской диссертации.

Тем не менее первое, даже беглое, знакомство с богатейшим творчеством Годшо произвело на меня неизгладимое впечатление. Было очевидно, что природа наделила его не только несгибаемой волей, но и завидным трудолюбием, сопоставимым лишь с «титанической» работоспособностью Жильята – героя романа «Труженники моря» В. Гюго. Я был поражен тем, как много он успел написать, в отличие от советских франковедов. Тогда я еще не понимал, что нелепо прибегать к столь прямолинейному сравнению. Мало того, что французский историк проживал в непосредственной близости от мест хранения необходимых ему источников, он еще имел широкие возможности для длительных заграничных научных командировок в другие страны, тогда как его советские коллеги, за редким исключением, были этого лишены.

Уже впоследствии я с особым вниманием и большой для себя пользой прочел основные труды Годшо и быстро понял, как исто-

⁸ Примечательно, что сам Соболю, человек исключительно скромный, не считал себя специалистом по Директории, о чем сказал мне в июне 1978 г. в Ясной Поляне, при нашем совместном посещении дома-музея Л.Н. Толстого.

⁹ *Godechot J.* La propagande royaliste aux armées sous le Directoire. P., 1933 ; *Idem.* La contre-révolution. Doctrine et action, 1789-1804. P., 1961.

¹⁰ *Godechot J.* Les commissaires aux armées sous le Directoire. P., 1937. Т. 1-2; *Idem.* Les institutions de la France sous la Révolution et l'Empire. P., 1951.

рии Французской революции повезло, что этот французский историк еврейского происхождения выбрал именно ее¹¹. Происхождение, по признанию самого Годшо, сыграло решающую роль в окончательном определении его научных интересов. Лишившись материнской ласки в шестилетнем возрасте, Годшо много позже вспоминал об одном из эпизодов своего детства: в 1911 или 1912 г., в своем родном городе Люневилле, проходя в одном из парков мимо памятника аббату Грегуару, он спросил у матери, кто это. Мать ответила: человек, которому они, французские евреи, обязаны тем, кто они есть. Пятилетний ребенок, естественно, не мог осмыслить всю суть ответа, но позднее он узнал о деятельности аббата Грегуара, ратовавшего в 1791 г. в Учредительном собрании за предоставление проживавшим во Франции евреям полной свободы передвижения, равенства в гражданских правах с французами¹² и достигшего на этом невероятно сложном пути блестящего успеха. По признанию историка, после этого «откровения» он стал испытывать восхищение Французской революцией, что побудило его с самого начала своей учебы в высшем учебном заведении заинтересоваться ею и специализироваться на этом важном периоде истории Франции¹³.

С годами, по мере погружения в сложные перипетии французской историографии, интерес к этому именитому исследователю у меня возрос. Тому были разные причины. Прежде всего я заметил, что Годшо был историком-архивистом, а это обстоятельство для меня имеет первостепенное значение: так меня воспитывали мои наставники еще в студенческие годы, а позднее на необходимости использования архивной документации для воссоздания полноценной картины исторических событий упорно настаивал и Далин. Еще первая серьезная монография Годшо о комиссарах Директории поразила меня обилием использованных первоисточников из архивов различных европейских стран (Германии, Швейцарии, Италии и др.) и скрупулезным их изучением.

Со временем я стал еще выше ценить его за колоссальные, разносторонние знания, обширнейшую эрудицию (я всегда счи-

¹¹ Как это ни парадоксально, о его еврейском происхождении, о чем он не раз упоминал, Ж. Ле Гофф и П. Тубер с изумлением узнали от автора этих строк в Павловске, при посещении императорского дворца российского венценосца в октябре 1989 г.

¹² О нем см.: *Soboul A. Une conscience religieuse au temps de la Révolution, l'abbé Grégoire (1750-1831) // Soboul A. Portraits de révolutionnaires. P., 1986. P. 137-156.*

¹³ *Godechot J. La Révolution dans le Midi toulousain. Toulouse, 1986.* О его многоплановой деятельности в этом направлении см.: *Fournier G. Jacques Godechot et le Midi toulousain // AHRF. 1990. N 281. P. 318-328.*

тал ее одним из основных достоинств историка), во многом способствовавшую расширению моей собственной. Особо хотелось бы подчеркнуть также ясность его языка. Блестящий стилист, Годшо, как никто из его французских коллег, умел выражать сложнейшие мысли доступным языком и зачастую в художественной форме. Ряд его глубоко научных книг, таких как «Взятие Бастилии», «Контрреволюция» или «Граф д'Антрэг», написаны столь живо и увлекательно, что почти не отличаются от остросюжетных художественных романов Ж. Санд, Э. Сю или А. Дюма-отца, когда захваченный повествованием читатель ни на мгновение не может оторваться от строк автора.

Мне особо импонировал постоянный интерес Годшо к самой сложной дисциплине исторической науки – историографии, к которой я сам со студенческих лет относился равнодушно, с большим интересом читая изредка появлявшиеся в советских научных изданиях статьи о жизненном пути и творчестве некоторых крупных историков, таких как Е.В. Тарле, М.В. Нечкина и др. Испытывая особый интерес к этой отрасли науки, я, однако, еще не представлял себе, что она отнюдь не для начинающего исследователя. С первых месяцев обучения в аспирантуре, в поисках материалов по истории Директории в журнале Общества робеспьеристских исследований – АНRF я заметил, что буквально в каждом номере Годшо, помимо собственно статей, публиковал по нескольку рецензий на книги французских и зарубежных исследователей. Столь щедрое отношение к автору со стороны руководства периодического издания не могло не поразить советского историка, привыкшего к тому, что авторы у нас порою ждали годами права даже на одну-единственную публикацию в журнале.

Для меня своего рода открытием явилось сотрудничество Годшо с журналом *Revue historique*, где он регулярно публиковал написанные на высоком научном уровне пространные историографические обзоры, в которых подвергал критическому анализу достижения мировой науки за семь–восемь лет в изучении Французской революции. К сожалению, эта позитивная тенденция, присущая французской историографии в целом, не нашла подражателей в советской науке. Правда, советские историки изредка освещали достижения отечественной науки в области изучения Французской революции, но, поскольку их итоговые обзоры не носили, к сожа-

лению, регулярного характера¹⁴, проделанная ими работа была несопоставима с колоссальными усилиями Годшо.

Меня также в немалой степени привлекал независимый характер Годшо – беспартийного историка, не примыкавшего ни к одному из направлений французской исторической науки и не принадлежавшего ни к одной исторической «школе». Его ученик К. Птифрер считал такую позицию одним из достоинств своего Учителя, делавшим ему честь. По свидетельству Птифрера, Годшо «восхищался одновременно и Жоресом, и де Голлем. Он с интересом следил за работами “школы Анналов”, не принадлежа к ней. Ни в коей мере не будучи марксистом, он признавал значение некоторых аспектов марксистской интерпретации и при необходимости прибегал к ней. Он с большой гордостью носил эпитет независимого историка»¹⁵.

Советским исследователям, в том числе В.М. Далину и А.В. Адо, было известно, что Годшо, не принимая марксизм полностью, тем не менее, в оценке истории Французской революции как социального переворота придерживался сходной с ними позиции. Примечательна одна из наших бесед с Адо. В ноябре 1983 г. Анатолий Васильевич заговорил о том, что концепция Французской революции Годшо близка к интерпретации Революции советскими историками. В то же время он высказал свое недовольство его рецензией на книгу «Постижение Французской революции» Ф. Фюре¹⁶. По мнению Адо, Годшо «не понял ее главного содержания». Поскольку прошедшие годы стерли из моей памяти содержание рецензии, я ограничился замечанием, что французский исследователь все же не обязан смотреть на историю Революции глазами советского историка-марксиста, с чем Адо согласился.

Однако пять лет спустя, вспомнив про этот разговор, я перечел указанную рецензию Годшо. Оказалось, что тогда, в 1983 г., и Адо,

¹⁴ См.: Дунаевский В.А. Великая французская революция в советской историографии (1917-1941 гг.) // История и историки. Историография всеобщей истории. М., 1966. С. 45-88; Далин В.М. Изучение Великой французской революции в СССР // Далин В.М. Историки Франции XIX–XX веков. М., 1981. С. 65-95; Пименова Л.А. О советской историографии Великой французской революции (1979-1986 гг.) // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 119-125. Отрадно, что Д.Ю. Бовыкин недавно написал обстоятельный аналитический обзор на эту тему: Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) // НиНИ. 2007. № 1. С. 48-73.

¹⁵ *Petitfrère C.* Jacques Godechot (1907–1989) // AHRF. 1990. N 281. P. 317. Он также вспоминал различные мысли о жизни и о науке, которыми делился с ним Годшо. И выражал ему свою безграничную признательность за осознание «цены свободы». – Ibid.

¹⁶ См.: *Godechot J. F. Furet.* Penser la Révolution française. P., 1979 // AHRF. 1979. N 235. P. 135-139. Русск. пер.: Годшо Ж. О книге Ф. Фюре // ФЕ. 1979. М., 1981. С. 255-260.

и я упустили одну важную деталь текста Годшо. Суть дела такова. Адо долгие годы полемизировал с представителями «критического» течения французской историографии, в том числе с одним из лидеров третьего поколения «Анналов» Ф. Фюре, о направлении социально-экономического развития Франции при Старом порядке и о характере Французской революции. Читая рецензию Годшо, Анатолий Васильевич, несомненно, обратил внимание на то, что ее автор обошел молчанием эти аспекты, что, по-видимому, и вызвало реплику Адо о проявленном Годшо «непонимании», так как именно их советский историк считал осью концепции Фюре¹⁷. Между тем Годшо вполне осознанно воздержался от обсуждения соответствующей главы книги Фюре, отметив, что она представляет собой критику воззрений Собуля и К. Мазорика, на которую оба уже ответили. В заключение Годшо подчеркнул: «Я предпочитаю четкие и логичные выводы Собуля и Мазорика слишком усложненным и туманным рассуждениям Франсуа Фюре»¹⁸. Таково было его отношение к марксистской интерпретации Французской революции.

Это отнюдь не означает, что между подходами Годшо и советских историков к освещению Французской революции не было подчас довольно существенных расхождений методологического характера. В связи с этим необходимо упомянуть о нагнетавшей теории «атлантической революции» и на отношении к ней самого ее автора. Указанная теория, впервые выдвинутая Годшо вместе с американским историком Р. Палмером в 1955 г. на Римском конгрессе по историческим наукам, была позднее развита им в ряде книг, представляющих значительный научный интерес¹⁹.

С самого начала оба автора новой теории подверглись ожесточенной критике со стороны представителей различных историографических направлений, прежде всего со стороны советских и французских историков-марксистов²⁰. Оппоненты Годшо и Палме-

¹⁷ См.: Адо А.В. Очередная атака на марксистскую концепцию Французской революции конца XVIII века // ВИ. 1973. № 4. С. 178-180.

¹⁸ ANRF. 1979. N 235. P. 138.

¹⁹ Godechot J. La Grande Nation. L'expansion révolutionnaire de la France dans le monde de 1789 à 1799. P., 1956. Т. 1-2; 2de éd. 1983; *Idem*. Les révolutions (1770-1799). P., 1963; 4ème éd. 1986; *Idem*. L'Europe et l'Amérique à l'époque napoléonienne. P., 1967.

²⁰ См., например: Манфред А.З. Великая французская революция XVIII в. и современность: (к 175-летию революции) // НиНИ. 1964. № 4. С. 59-74; *Он же*. О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции // ФЕ. 1976. М., 1978. С. 172-173; Собуль А. Классическая историография Французской революции. О нынешних спорах // Там же. С. 157-159; Soboul A. La civilisation et la Révolution française. T. 2. La Révolution française. P., 1982. P. 35, 38-39.

ра видели в теории «атлантической революции» главным образом историческое обоснование необходимости блока НАТО и осуждали ее в основном с политических позиций. Отказ от ее всестороннего критического разбора привел в конечном счете к отрицанию какой бы то ни было ее познавательной ценности. Между тем теория Годшо и Палмера имела, на мой взгляд, важное позитивное значение, предлагая не ограничиваться при исследовании революционной эпохи одними лишь национальными рамками, а рассматривать революционные события на широком фоне европейской и всемирной истории, заниматься сравнительным изучением революционных мутаций в различных странах. Подход Годшо и Палмера позволял пролить свет на влияние Французской революции за пределами Франции, до того времени еще никем досконально не исследованного. К тому же книги обоих авторов содержали богатейший фактический материал, значение которого трудно переоценить.

Годшо не раз отвечал на явно одностороннюю интерпретацию его теории марксистскими коллегами. Чтобы сохранить беспристрастность, отмечу, однако, что он и сам не всегда отличался последовательностью в трактовке критических замечаний некоторых из своих оппонентов, то полностью отрицая какую-либо политическую подоплеку теории «атлантической революции»²¹, то уклончиво возлагая ответственность за ее привнесение на одного Палмера, якобы имевшего тайный замысел дать «историческое оправдание атлантическому союзу» в 1955 г.²² В любом случае на склоне лет Годшо, отвечая на политические и подчас крайне тенденциозные обвинения²³, писал: «В этом анализе [теории] есть и верные, и ложные тезисы (*il y a du vrai et du faux dans cette analyse*)... Но ни Палмер, ни я никогда не имели желания отрицать характерные черты Французской революции и ее величие»²⁴. Хочу обратить особое внимание на эти его слова, поскольку Собуль и Манфред даже в середине 1970-х гг. продолжали, на мой взгляд явно несправедливо, критиковать Годшо за отрицание «исторического величия» и «национальных цветов» Французской революции²⁵, несмотря на заметную эволюцию его взглядов в 1960–1970-х гг., проявившуюся в усилении внимания к социальной стороне Рево-

²¹ *Godechot J.* Un jury pour la Révolution. P. 358-360.

²² См.: *Godechot J.* Soboul, tel que je l'ai connu // AHRF. 1982. N. 250. P. 544.

²³ О них см.: *Godechot J.* La Grande Nation. P. 9.

²⁴ *Godechot J.* Soboul, tel que je l'ai connu. P. 544.

²⁵ *Собуль А.* Указ. соч. С. 158; *Манфред А.З.* О некоторых спорных и нерешенных вопросах историографии Великой французской революции. С. 173.

люции²⁶. Не могу не согласиться с выводом Годшо о том, что этот спор был проекцией идеологических баталий «холодной войны» на плоскость исторической науки²⁷.

Намного более объективная оценка теории «атлантической революции» была дана во французской исторической литературе уже после кончины Годшо, в частности, историком-марксистом М. Вовелем. Он по праву подчеркнул неоспоримые заслуги Годшо в расширении перспектив исследований о влиянии Французской революции на обширные географические пространства и подчеркнул плодотворность такого метода в изучении революционной эпохи, открывающего новые рубежи сравнительного исследования европейских революций в различных странах от Италии и до Центральной Европы²⁸. Полностью разделяю такую оценку.

О решимости самого Годшо отстаивать необходимость изучения истории Французской революции на широком фоне революционных событий в Европе и Америке свидетельствует хотя бы тот факт, что он не отказался от своей теории не только после выхода Франции из НАТО в 1966 г., но и в последующие годы²⁹, в отличие от Фюре, часто менявшего свои взгляды по частным вопросам, не всегда это обосновывая³⁰.

* * *

Если советские историки были в курсе основных процессов, происходивших во французской историографии, то, к сожалению, того же нельзя сказать об осведомленности французских исследователей относительно достижений советской исторической науки. Причина тому – их незнание русского языка. Однако, несмотря на это и на имевшиеся существенные разногласия, Годшо проявлял к работе советских историков неизменный интерес и прилагал активные усилия для развития сотрудничества. Он неоднократно принимал участие в двухсторонних встречах историков СССР и Франции, выступал с рецензиями на работы совет-

---

²⁶ См. об этом: *Bétourné O., Hartig A.I.* Penser l'histoire de la Révolution. Deux siècles de passion française. P., 1989. P. 123.

²⁷ *Godechot J.* Op. cit. P. 544.

²⁸ *Vovelle M.* Jacques Godechot, historien de la Révolution française // AHRF. 1990. N 281. P. 305; см. также: *Petitfrère C.* Op. cit. P. 314-315.

²⁹ *Godechot J.* La Révolution française. Chronologie commentée, 1787-1799. P., 1988; *Idem.* L'ère des révolutions // L'état de la France pendant la Révolution (1789-1799) / Sous dir. de M. Vovelle. P., 1988. P. 12-16.

³⁰ Об этом см.: *Bétourné O., Hartig A.I.* Op. cit. P. 32-33.

ских коллег (в частности, Манфреда и Далина), переведенные на французский язык, сам неоднократно публиковался во «Французском ежегоднике» и выступил одним из авторов сборника «Великая французская революция и Россия»³¹.

Словом, с советскими историками Годшо связывала многолетняя творческая дружба. В свою очередь, и Манфред высоко ценил личный вклад «крупнейшего специалиста по проблемам истории Французской революции» «в развитие научного сотрудничества историков наших двух стран»³². Но мне все же гораздо проще судить о связях Годшо с советскими историками на примере его взаимоотношений с Далиным, и в особенности их переписки, поскольку возможностей лично встретиться у них было немного: Виктор Моисеевич принадлежал к числу «невъездных», а французскому историку довелось побывать в СССР лишь дважды для участия в работе IV коллоквиума советских и французских историков в Ереване (1969) и XIII Международного конгресса по историческим наукам в Москве (1970).

Далин, человек крайне добросовестный и высокоответственный, с удовольствием держал французского коллегу в курсе новейших советских публикаций по истории Франции, отправляя ему не только новые выпуски ФЕ, очередные тома сочинений Г. Бабёфа, свои монографии и статьи, но и другие советские издания³³.

Поэтому после выхода первых же моих статей по истории Директории Далин сразу рекомендовал мне отправить их оттиски на просмотр Годшо, тем более что тот публиковал в *Revue historique* аналитические обзоры историографии. В отличие от некоторых своих французских коллег Годшо, несмотря на преклонный возраст, не счел ниже своего достоинства ответить на мои письма и высказать мнение о первых работах начинающего советского исследователя. Его послания свидетельствовали о том пристальном внимании, с которым он следил за публикациями в ФЕ, ибо относительно опубликованных в нем моих статей он неизменно сообщал, что еще до получения оттисков был знаком с их содержанием, поскольку в ФЕ тогда все статьи сопровождалось резюме на французском языке.

---

³¹ Годшо Ж. Революционная экспансия в Европе и Америке // Великая французская революция и Россия. С. 82-90.

³² Манфред А.З. Указ. соч. С. 172, 173.

³³ К Далину с просьбой помочь им в приобретении советских изданий неоднократно обращались и многие другие его зарубежные коллеги, что и побудило Е.В. Киселеву не без иронии как-то сказать: «Эти французы Виктора Моисеевича разорят».

Особенно мне запомнилось первое письмо Годшо о моей статье «Павел I и Людовик XVIII»³⁴, пришедшее ко мне в Ереван с невероятными затруднениями: оно было получено Институтом истории СССР АН СССР, оттуда было отправлено в Институт археологии АН АрмССР и только потом доставлено в Институт истории, где я работаю. Так же, как Далин, я не сомневался, что Годшо, крупнейшего специалиста по истории французской контрреволюции, тематика моей статьи, написанной на основе неопубликованных документов АВПРИ, заинтересует. Но письменного отклика с его стороны, признаюсь, не ожидал. На основе одного резюме им была дана всесторонняя, глубоко научная оценка моего текста. Было, в особенности, приятно прочесть следующее: «Сожалею только, что не знаю русского языка, чтобы прочесть ее полностью»³⁵. В тот же вечер я отправил копию этого письма Далину, вскоре приславшего лапидарный ответ: «Очень за Вас рад»³⁶.

Годшо и в последующих письмах неоднократно высказывал свое сожаление из-за незнания русского языка. Меня очень огорчило одно из его писем, после того как я отправил ему свою статью о выборах V года (1797 г.) в Законодательный корпус при Директории³⁷. Годшо писал: «Поскольку, к несчастью, я не знаю русского, то не смог ее прочесть»³⁸. Правда, он поблагодарил меня за ссылки на его исследования: на сей раз это оказалось единственно доступным для него в моей статье, ибо в журнале «Новая и новейшая история» статьи публиковались тогда без резюме на европейских языках.

Поскольку его мнение о некоторых затронутых мною дискуссионных темах представляло для меня несомненный интерес, мне ничего не оставалось, как отправить ему написанное специально для него резюме статьи на французском языке. Незамедлительно последовал ответ. Однако на этот раз, в отличие от предыдущих, он высказал соображения, свидетельствующие о его неполном согласии с некоторыми из моих интерпретаций, что, впрочем, меня не удивило. Годшо, в частности, выразил удивление в связи с приведенным мной сообщением российского посла в Испании Бицова о создании в годы Директории на Пиренеях войскового подразделения французских эмигрантов. Первостепенное значение в победе

³⁴ Погосян В.А. Павел I и Людовик XVIII // ФЕ. 1980. М., 1982. С. 204-210.

³⁵ Письмо Ж. Годшо автору от 20 июня 1983 г. Личный архив В.А. Погосяна.

³⁶ Письмо В.М. Далина автору от 9 ноября 1983 г. Личный архив В.А. Погосяна.

³⁷ Погосян В.А. Роялисты, Директория и выборы 1797 года // НиНИ. 1988. № 2. С. 247-262.

³⁸ Письмо Ж. Годшо автору от 1 октября 1988 г. Личный архив В.А. Погосяна.

роялистов на выборах V года он придавал роялистской пропаганде, а не недовольству народа внутренней политикой Директории, как я утверждал. Он обратил также мое внимание на деятельность на Юге секретной организации «Аа», что мною было упущено из-за отсутствия необходимой источниковой базы. И, что для меня было еще существеннее, он настаивал на решимости Директории прибегнуть к помощи армии для осуществления государственного переворота начиная уже с июня 1797 г.³⁹

Мне как автору письмо Годшо не только дало повод для размышлений, но и доставило большое удовольствие, ибо наконец-то мне предоставилась возможность полемизировать с ним напрямую. В ответном письме я беспрекословно принял его замечание, связанное с деятельностью роялистских организаций на Юге, и выразил уверенность в достоверности информации Бицова, ссылаясь при этом и на его донесения за 1798 г., которые в статье не использовал. Что же касается спорного вопроса об осмыслении Директорией роли армии в судьбах Республики, я подтвердил свою прежнюю позицию, согласно которой в понимании некоторыми членами Директории роли армии решающим рубежом стали выборы V года, открывшие путь для государственного переворота 18 фрюктидора (4 сентября). При этом я отлично сознавал, что наша полемика о существенных вопросах истории Директории все же не была, да и не могла быть полноценной, поскольку с полным текстом моей статьи он не был знаком. Как бы то ни было, Годшо не обошел молчанием мой ответ: «Меня очень заинтересовали Ваши соображения по поводу моего письма от 30 марта. Они мне представляются очень верными», – писал он в ответном послании⁴⁰.

Учитывая постоянный и не ослабевающий с годами интерес Годшо к советской науке, я после кончины Далина взял на себя труд отправлять нашему французскому коллеге не только мои статьи, но и, по возможности, книги других советских исследователей Французской революции. Запомнилась его восторженная реакция на монографию Б.С. Итенберга «Россия и Великая французская революция»⁴¹, автор которой применил совершенно новый подход к исследуемой теме, впервые обратившись к изучению образа Революции в коллективной памяти россиян на протяжении XIX в. После ознакомления с этой книгой Годшо писал: «Я

³⁹ Письмо Ж. Годшо автору от 30 марта 1989 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁴⁰ Письмо Ж. Годшо автору от 28 мая 1989 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁴¹ *Итенберг Б.С.* Россия и Великая французская революция. М., 1988.

никогда так не сожалел о своем незнании русского языка. Я смог прочесть всего-навсего названия [глав]»⁴². Интересно отметить, что здесь он практически дословно процитировал своего учителя Матьеа, как-то заявившего: «Я никогда так не сожалел, как сейчас, что не использовал своей молодости для того, чтобы приобрести это совершенно необходимое знание»⁴³.

Это обстоятельство, являвшееся, к сожалению, своего рода ахиллесовой пятой представителей различных поколений и направлений французской исторической науки, во многом ограничивало их возможности получать полноценное и многогранное представление о достижениях в тех областях науки, которым они посвятили свою жизнь. Об этом они неоднократно отзывались с большой досадой.

* * *

Будучи с 1978 г. постоянным читателем журнала AHRF, я с большим интересом просматривал, в частности, обширный раздел рецензий, где разные авторы, и в особенности, Годшо, регулярно освещали новейшие достижения исторической науки в изучении Революции не только во Франции, но и за ее пределами. В то же время у меня душа болела из-за того, что за долгие годы ни разу мне так и не попала на глаза хотя бы одна рецензия на русскоязычное издание. Годшо, о чем я уже говорил, анализировал лишь те книги и статьи советских историков, что переводились на французский язык.

Мое терпение наконец лопнуло, и зимой 1988 г., разговаривая с находившимся в Ереване Ш.-О. Карбонелем, учеником Годшо, я критически высказался о том, что французские коллеги «пребрегают» достижениями советской науки, и предложил писать для AHRF рецензии на книги советских франковедов. Выслушав это предложение, мой собеседник после некоторых раздумий и не слишком охотно – советские-то журналы, заявил он, уделяют внимание лишь работам французских историков-марксистов – пригласил меня представить в журнале пару рецензий на новейшие советские издания.

После его отъезда я написал две рецензии на книги В.А. Дунаевского и А.Б. Цфасмана о Н.М. Лукине и Л.А. Пименовой о

⁴² Письмо Ж. Годшо автору от 12 февраля 1989 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁴³ Цит. по: *Далин В.М.* Указ. соч. С. 91.

дворянстве накануне Французской революции⁴⁴. Их я отправил на просмотр Годшо как одному из руководителей журнала – после кончины Соболя у меня тогда еще не было других выходов на руководство издания. Вскоре я получил одобрительный ответ, где отмечалось: «С большим интересом прочел Ваши рецензии и отправляю их той же почтой Мишелю Вовелю с просьбой опубликовать их как можно быстрее в *Annales historiques de la Révolution française*. Думаю, что книги, на которые Вы написали рецензии, неизвестны большинству наших французских коллег. Чтение этих рецензий доставит им радость»⁴⁵.

Почти год спустя я написал еще одну рецензию на упомянутую монографию Б.С. Итенберга, но при этом счел нелишним заранее посоветоваться с Годшо. Узнав о моем намерении, он и на сей раз поддержал мое предложение: «Исследуемая тема интересна и оригинальна. Ваша рецензия для *Annales historiques de la Révolution française* будет желанной»⁴⁶. По стечению обстоятельств Вовель опубликовал все три рецензии в одном номере журнала, причем именно в том, который был посвящен памяти Ж. Годшо⁴⁷. Мне было очень грустно, что мой вдохновитель не смог прочесть их в опубликованном виде. Но в глубине души я не сомневался, что, выйдя они в свет при его жизни, он бы, конечно, на них откликнулся. С другой стороны, я воспринял эти публикации в посвященном ему номере как возвращение моего скромного долга светлой и незабвенной памяти этого историка, которому я столь многим был обязан в науке.

То, что не довелось сделать Годшо, после его кончины выполнил Адо. О выходе этого номера я, находясь в конце 1990 г. в Ереване, узнал из письма Анатолия Васильевича, которому мой ереванский адрес до того времени даже не был известен. В отличие от многих своих советских коллег, не считавших, по-видимому, необходимым уделять внимание популяризации своих достижений во Франции, Адо сразу же откликнулся на мою инициативу: «Только что получил АНRF N 281, и увидел там Ваши рецензии на книги В.А. Дунаевского, Л. Пименовой и Б. Итенберга. Поздравляю Вас с их выходом, в [этой] связи и хочу сказать Вам, что Вы сделали очень нужное дело. Обычно за границей очень плохо знают о том,

⁴⁴ Дунаевский В.А., Цфасман А.Б. Николай Михайлович Лукин. М., 1987; Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой Французской революции. М., 1986.

⁴⁵ Письмо Ж. Годшо автору от 19 августа 1988 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁴⁶ Письмо Ж. Годшо автору от 12 февраля 1989 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁴⁷ АНRF. 1990. N 281. P. 363-368.

что мы публикуем о Фр[анцузской] рев[олюции], и в этом плане информация, которую Вы делаете, очень существенна. Если найдете Вы время – думаю, не плохо Вам и дальше продолжать это (стать в том смысле советским Годшо), держать французских коллег в курсе того, что мы делаем»⁴⁸.

Весьма тронутый, я поблагодарил Адо за информацию, за проявленное внимание и добрые слова. Заинтересованный в продвижении нашего общего дела, он и впредь неоднократно поддерживал меня как в своих письмах, так и в личных разговорах, высказывая свое твердое убеждение в необходимости упрочения этой позитивной тенденции. Так, в письме от 12 января 1991 г. он писал: «Полностью разделяю Ваши мысли о необходимости как можно полнее информировать французских коллег о наших работах, тем более что М. Vovelle (он и мне говорил об этом) тоже так считает. Просто мы очень неповоротливы в этом деле, и тем более надо приветствовать Вашу инициативу и Ваши усилия. Очень надеюсь, что Вы и далее сможете выкраивать время для этой столь нужной работы»⁴⁹.

Попутно отметим, что первые попытки в этом направлении были предприняты еще крупнейшим представителем дореволюционной российской науки Н.И. Кареевым, а затем одним из основоположников советской исторической школы Н.М. Лукиным. Оба они выступали в авторитетных французских журналах с обстоятельными обзорными статьями о достижениях российской и советской науки⁵⁰. К сожалению, последователей у них не было.

Я давно заметил, что Анатолий Васильевич, с которым я общался не так часто, будучи крупным организатором науки, внесшим неопределимый вклад в развитие советской историографии Французской революции, так же как В.М. Далин и Г.С. Кучерен-

⁴⁸ Письмо А.В. Адо автору от 2 декабря 1990 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁴⁹ Письмо А.В. Адо автору от 12 января 1991 г. Личный архив В.А. Погосяна. К слову сказать, его позицию неоднократно поддерживали и мои французские коллеги. См. письма автору С. Бьянки от 11 февраля 1991 г., Б. Гэно от 10 апреля 1991 г. Однако, самым страстным поборником расширения нашего сотрудничества стал нынешний главный редактор АНRF Э. Лёверс, о чем свидетельствуют почти все его письма ко мне за последние два года.

⁵⁰ *Karéiev N.* La Révolution française dans la science historique russe // *La Révolution française*. 1902. Т. 42; *Idem.* Les travaux russes sur l'époque de la Révolution française depuis dix ans // *Bulletin de la société d'histoire moderne*. 1912; *Idem.* Les derniers travaux des historiens russes sur la Révolution française (1912–1924) // *AHRF*. 1925. N 9. P. 252–262; *Idem.* Les études sur l'histoire de France en Russie depuis vingt ans (1911–1931) // *Revue d'histoire moderne*. 1931. N 35. P. 369–389; *Loukin N.* La Révolution française dans les travaux des historiens soviétiques // *AHRF*. 1928. N 2. P. 128–138.

ко, был всецело поглощен бескорыстным служением этому делу, не стремясь выставлять напоказ свое имя⁵¹.

В то же время после разговора с Карбонелем я задумался над тем, что его упреки в адрес советских историков не лишены основания. Ведь мы, теперь уже бывшие советские историки, концентрировали внимание главным образом на достижениях марксистской науки во Франции, а что касается представителей других направлений, и в частности, «критического», группировавшихся вокруг школы «Анналов» и именуемых у нас в стране «ревизионистами», то к их научному творчеству проявлялось очевидно предвзятое отношение. Мы либо обходили молчанием труды этих авторов по истории Французской революции, либо писали о них под определенным, четко выраженным негативным углом зрения, подвергая их взгляды жесткой критике только на том основании, что они шли вразрез с марксистской интерпретацией истории Революции. Обе тенденции прекрасно прослеживались на Западе, о чем не раз писали и напрямую нам говорили многие выдающиеся французские исследователи, в том числе Э. Леруа Ладюри и М. Ферро.

Не одобряя в глубине души такое отношение к французской исторической науке, я поделился этими мыслями с Адо. Вскоре выяснилось, что и он ратовал за представление на должном научном уровне достижений французской немарксистской науки в советских журналах, а потому одобрил мою позицию и на этот раз, за что я ему был весьма признателен. В январе 1991 г. он написал мне в этой связи: «Разумеется, справедливо и другое – наши отклики на французские работы; и здесь Ваши усилия очень уместны. Рецензия З.А. Чеканцевой прошла редколлегию [НиНИ] (см. об этом ниже. – В.П.), надеюсь, скоро будет опубликована. Отклик Ваш на *Dictionnaire historique de la Rév[olution] fr[ançai]se* был бы очень нужен⁵²; и, одновременно, очень бы важно откликнуться на изданный под руково[дство]м Furet и Ozouf *Dictionnaire critique de la Révolution française*. Словом, я желаю Вам всякого успеха в том важном и нужном деле, которому Вы посвятили усилия»⁵³.

⁵¹ Это было ведомо не только мне одному. Вспоминая об Адо, А.В. Чудинов отмечает, что тот «никогда не показывал, что он мэтр». См.: Бовыкин Д.Ю. Анатолий Васильевич Адо: образ и память // Памяти профессора А.В. Адо. Современные исследования о Французской революции конца XVIII века / Под ред. В.П. Смирнова и Д.Ю. Бовыкина. М., 2003. С. 65.

⁵² Речь идет о моей рецензии на книгу, посвященную памяти А. Собуля: Погосян В.А. Рец. на кн.: *Dictionnaire historique de la Révolution française*. Publié sous la direction scientifique de J.-R. Suratteau. P., 1989 // ВИ. 1991. № 11. С. 227-229.

⁵³ Письмо А.В. Адо автору от 12 января 1991 г. Личный архив В.А. Погосяна.

Но в годы советской власти дать объективную оценку достижениям западной немарксистской науки было делом не из простых. Ведь даже Годшо, не раз выступавший с острой критикой в адрес Фюре, был «удостоен» со стороны одного из советских авторов, Н.М. Соколовой, для которой марксистские постулаты были в буквальном смысле слова *idées fixes*, «почетного» титула «буржуазного историка»⁵⁴. Попутно отмечу, что в 1984 г. при подготовке одного историографического обзора⁵⁵ у меня появилось желание выступить против такой несправедливой, по моему убеждению, оценки Годшо. Однако Е.Б. Черняк, человек крайне осторожный и очень доброжелательно ко мне относившийся, с советами которого я неизменно считался как в научных, так и в жизненных вопросах, категорически воспротивился этому, исходя из моих же интересов. Выслушав внимательно его возражения, я решил воздержаться от своего намерения. Однако, когда «горбачевская оттепель», неудачно названная «перестройкой», всколыхнула все сферы жизни советского общества, открыв их новым веяниям, я все же не упустил первую же появившуюся возможность, чтобы хотя бы в общих чертах выразить свое негативное отношение к такой оценке.

Итак, после разговора с Карбонелем я решил в меру своих возможностей предпринять кое-какие шаги, направленные на популяризацию в советских журналах достижений французских историков, не придерживавшихся марксистской методологии. После кончины Далина в 1985 г. у меня возникли затруднения с публикацией статей в ФЕ, и я стал сотрудничать с журналом «Новая и новейшая история». К руководителям журнала, ныне покойному Е.И. Тряпицину и В.Д. Вознесенскому, к которому до сих пор отношусь с глубоким и искренним уважением, я обратился в 1988 г. с предложением написать рецензию на только что появившуюся книгу Годшо «Французская революция. Комментированная хронология, 1787–1799». Вот там-то, в одной из сносок, с согласия Вознесенского, я выразил свое недоумение характеристикой Годшо как «буржуазного историка»⁵⁶.

Как только эта рецензия была написана, я сообщил о том Годшо. Будучи олицетворением пунктуальности, о чем я могу судить

⁵⁴ Соколова М.Н. Современная французская историография. М., 1979. С. 250; Она же. Жак Годшо // НиНИ. 1989. № 3. С. 189.

⁵⁵ Погосян В.А. Директория в исторической литературе // ФЕ. 1983. М., 1985. С. 237-254.

⁵⁶ См.: Погосян В.А. Рец. на кн. J. Godechot. La Révolution française. Chronologie commentée, 1787-1799. P., 1988 // НиНИ. 1989. № 6. С. 204.

исходя из нашей переписки⁵⁷, он сразу же мне ответил и выразил свою признательность⁵⁸. Увы, эту рецензию ему уже было не суждено увидеть в опубликованном виде. Но на этот раз меня поблагодарили члены его семьи. Несмотря на высказанные мною некоторые критические соображения, в том числе в связи с теорией «атлантической революции», его сын Т. Годшо, проживавший в Париже, написал: «Рецензия на работу моего отца “Хронологические комментарии Французской революции” в журнале “Новая и новейшая история” получена моей матерью, поручившей мне поблагодарить Вас. Она очень тронута вниманием и хвалебными оценками, которые Вы сочли желательным высказать о последней книге моего отца»⁵⁹.

Помня о замечании Карбонеля, я посчитал целесообразным организовать, уже после смерти Годшо, публикацию рецензии на переиздание его книги «Взятие Бастилии»⁶⁰, тем более что его постоянный оппонент по теории «атлантической революции» Манфред в свое время охарактеризовал ее (наряду с монографией «Коммиссары армии в годы Директории») как «образцовую»⁶¹. Поскольку за короткий срок в журнале «Новая и новейшая история» мне пришлось выступить о Годшо дважды⁶², было желательно, чтобы рецензию на эту книгу написал бы кто-то из моих коллег, лучше даже специалист по истории Старого порядка. Поэтому с такой просьбой я обратился к моему хорошему другу, З.А. Чеканцевой, которая сразу же любезно согласилась⁶³. К слову, после прочтения книги она сказала: «Теперь я понимаю, почему Манфред называл ее образцовой». За короткий срок она написала квалифицированную рецензию⁶⁴, которую после выхода я незамедлительно отправил вдове Годшо. Вскоре Т. Годшо писал мне: «Моя мать

⁵⁷ О присутствии ему обязательности упоминал и один из его близких друзей М. Булазо. – *Bouloiseau M. Mon ami Jacques Godechot // ANRF. 1990. N 281. P. 343.*

⁵⁸ Письмо Ж. Годшо автору от 30 марта 1989 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁵⁹ Письмо Т. Годшо автору от 10 марта 1990 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁶⁰ *Godechot J. La prise de la Bastille. 14 juillet 1789. P., 1989.*

⁶¹ *Манфред А.З. Указ. соч. С. 172.*

⁶² Помимо упомянутой рецензии, буквально в следующем номере журнала я опубликовал, без подписи, еще и его некролог: Памяти Жака Годшо (1907–1989) // НиНИ. 1990. № 1. С. 221. «Я уполномочен поблагодарить Вас от имени всей нашей семьи и сказать Вам, насколько мы были тронуты восторженными словами, которыми Вы оценили историческое наследие моего отца», – писал мне его сын. – Письмо Т. Годшо автору от 24 мая 1990 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁶³ Несомненно, прав А.В. Чудинов, обративший внимание на «сплоченность» сообщества отечественных историков Французской революции, как на фактор, обеспечивающий успешную работу на этом поприще. – *Чудинов А.В. И пятьдесят, и десять лет спустя. Двойной юбилей «Французского ежегодника» // ФЕ 2009. М., 2009. С. 11.*

⁶⁴ НиНИ. 1991. № 3. С. 235–238.

получила в прошедшем году номер журнала “Новая и новейшая история”, и я организовал перевод весьма восторженной рецензии, написанной Вашей коллегой. Просьба Вам передать ей нашу благодарность»⁶⁵. Но на этот раз сочла своим долгом ко мне обратиться и вдова Годшо: «Мой муж был бы очень рад, если бы узнал, что его “Взятие Бастилии” было оценено в России... Я счастлива, что его работы продолжают цениться»⁶⁶.

Хотя мне так и не суждено было общаться с Годшо лично, однако исследования, вышедшие из-под пера этого маститого исследователя, не только существенно обогатили мои знания в области истории Французской революции и наполеоновской империи, но и в значительной степени послужили ориентирами в такой сложной отрасли исторической науки, как историография (выбор и принципы классификации литературы, методы изложения материала, формы научной полемики, в частности, критики и т.д.). Книги и обзоры историографического характера, а также рецензии я научился писать именно у него. Хочу, чтобы меня правильно поняли: я не претендовал и не претендую на столь же высокий уровень, как у Годшо. Тем не менее, в силу многих причин, я, начиная уже с 1980-х гг., стал открыто именовать этого историка, далекого от марксистской методологии, одним из своих учителей, наряду с Манфредом и Далиным. Любопытно, что Далин, обычно резко выступавший против любых отступлений от марксистской интерпретации Французской революции, отнесся к моему пиетету перед французским историком весьма спокойно и, как мне казалось, даже со скрытым одобрением. По своей натуре человек весьма сдержанный и довольно осторожный, Далин редко открыто высказывал свои мысли.

Не скажу ничего нового, констатировав, что личное общение с крупными учеными, безусловно, весьма полезно для любого историка: оно обогащает его знания, вдохновляет (тем более молодого) исследователя⁶⁷, способствует расширению научного кругозора и, что не менее важно, лучшему осмыслению сути их концепций, пусть даже подчас для него и неприемлемых. Об этом могу судить по своему общению с крупнейшим наполеоноведом наших дней Ж. Тюларом. Побывав в 1991 г. на его лекциях в МГУ и лич-

⁶⁵ Письмо Т. Годшо автору от 14 июня 1992 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁶⁶ Письмо вдовы Ж. Годшо автору от 11 июля 1991 г. Личный архив В.А. Погосяна.

⁶⁷ Годшо признавал, что в середине 1920-х гг. и он сам «горел желанием познакомиться с Матъезом», чье имя он знал с 1922 г., но на лекцию которого ему впервые довелось попасть лишь 3 ноября 1927 г. – *Godechot J. Un jury pour la Révolution. P. 307-308.*

но беседа с ним о Наполеоновской эпохе, я лучше осмыслил некоторые его трактовки, не разделяя, однако, его концепцию о так называемой «диктатуре общественного спасения», созданной Наполеоном в 1799 г. К слову сказать, за это же Тюлара подверг весьма обоснованной, на мой взгляд, критике и Годшо⁶⁸.

И тем не менее первостепенную, определяющую значимость в формировании начинающего исследователя я все же склонен придавать не столько личному общению с выдающимися историками, сколько глубокому осмыслению их творчества. В этой связи интересно мнение одного из светил французской и мировой исторической науки XX столетия – «бессмертного» Ж. Дюби. В октябре 1989 г., во время его московского визита, мне посчастливилось неоднократно общаться и беседовать с ним. О кончине Годшо, последовавшей 24 августа, за полтора месяца до его приезда в Москву, я узнал именно от Дюби в гостинице «Спорт», где проходили заседания международного коллоквиума, посвященного 60-летию школы «Анналов». И когда я сказал, что считаю Годшо одним из своих учителей, хотя и не встречался с ним лично, Дюби тихо промолвил: «Да, это не главное».

В мире науки личное общение с историками, как мне представляется, и в самом деле не самое существенное, что косвенно признавал и Ж. Лефевр. На склоне лет, будучи уже известным в Европе историком, он заявил, что ему довелось увидеть и услышать Ж. Жореса лишь дважды, будучи затерянным в толпе, что, однако, не мешало ему признавать того своим учителем⁶⁹. В.П. Смирнов высказал аналогичное суждение, приведя в пример отношение к Адо некоторых исследователей, не посещавших его лекций и семинаров, но знакомых с его работами или состоявших с ним в переписке⁷⁰.

В декабре 1992 г. Адо в разговоре со Смирновым и со мной высказал мнение о целесообразности написать для АНRF обстоятельный историографический обзор многотомного издания «Великая французская революция. Документы и исследования», опубликованного под его редакцией. Он обратился ко мне с вопросом, могу ли я найти время для выполнения этой задачи. Не дав мне ответить, Смирнов сразу же отклонил его предложение, об-

⁶⁸ См. рецензию Годшо на биографию Наполеона, написанную Тюларом: *Tulard J. Napoléon ou le mythe du sauveur*. P., 1977 // АНRF. 1978. N 232. P. 331-333.

⁶⁹ *Suratteau J.-R. Georges Lefebvre disciple de Jaurès ?* // АНRF. 1979. N 237. P. 374.

⁷⁰ *Смирнов В.П. Анатолий Васильевич Адо: человек, преподаватель, ученый (1928-1995)* // НиНИ. 1997. № 1. С. 208.

ратив наше внимание на то, что я уже писал рецензии на две книги, вышедшие в этой серии, причем для того же самого журнала. Он имел в виду мои рецензии на монографию Пименовой о французском дворянстве и на работу о традициях Революции⁷¹, написанную им самим в соавторстве с моим близким другом, ныне покойным В.С. Поскониным, талантливым историком и очень честным, на редкость порядочным человеком с трагической судьбой. Одна из этих рецензий была тогда уже опубликована, вторая находилась в редакции журнала, о чем В.П. Смирнов знал⁷². Выслушав его возражение, Адо после небольшой паузы тихим голосом добавил: «У Варужана это получается лучше, чем у других». Столь высокой оценкой нашего крупного специалиста по истории Французской революции и французской историографии я полностью был обязан Жаку Годшо.

По многочисленным, в том числе и объективным причинам мне так и не довелось стать летописцем советской историографии или, говоря словами Адо, «советским Годшо» (из-под пера с Годшо, напомним, вышло более двух тысяч рецензий⁷³). Исчезла с карты мира великая, могучая страна, гражданами которой мы некогда были и которую зачастую подвергали, правда, только в кулуарных разговорах, самой беспощадной критике. Прекратила свою деятельность и советская Академия наук, между бывшими союзными республиками скоро стали, по выражению В.А. Дунаевского, «дико рваться все связи», в том числе научные.

Сегодня нет в живых ни Адо, ни Годшо, которого Анатолий Васильевич характеризовал как очень доброжелательного человека⁷⁴, много помогавшего ему во время одной из его научных командировок во Францию. Один за другим нас покинули и другие наши старшие коллеги – В.А. Дунаевский, Г.С. Кучеренко, Г.С. Черткова. Однако наставлениям Годшо и Адо я, в меру возможностей, оставался и впредь постараюсь остаться верным. И каждый раз при написании для АНRF очередной рецензии на какое-либо российское издание, я с благодарностью и с чувством глубокой душевной боли вспоминаю имена Годшо и Адо. Они нас оставили – никому

⁷¹ Смирнов В.П., Поскоин В.С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции, 1789-1989. М., 1991.

⁷² АНRF. 1990. N. 281. P. 364-366; Ibid. 1994. N 296. P. 359-361.

⁷³ *Vovelle M.* Op. cit. P. 304.

⁷⁴ Примечательно, что согласно свидетельству одного из коллег Годшо, Ж. Фурнье, он «имел для каждого дружескую улыбку, несколько воодушевляющих слов или уместных советов», а одно его присутствие, вселяя уверенность, способствовало тому, что все обыденные заботы отходили на второй план. – *Fournier G.* Op. cit. P. 328.

не суждено жить вечно. Неумолимы законы природы, и человеку отмерен краткий срок существования. Но они от нас ушли только физически, и, безусловно, некоторое облегчение приносит мысль о том, что с нами остались не только украшающие наши книжные полки их выдающиеся научные труды по истории Французской революции, но и те советы, указания и наставления, которые они нам оставили, те соображения, которыми они с нами поделились. В этом смысле наши Учителя и старшие коллеги, несомненно, продолжают находиться рядом с нами, и ничуть не сомневаюсь, они останутся с нами навсегда. За это постоянное присутствие в нашей трудной жизни я им весьма признателен.

В своих воспоминаниях о Е.В. Тарле М.Б. Рабинович рассказывал, как супруга академика, О.Г. Тарле, в 1945 г. показала ему бесценные реликвии их семьи, хранившиеся в резном ларце: письмо Л.Н. Толстого Тарле по поводу его книги о Т. Море, датированное 1901 г., и акварель М.Ю. Лермонтова⁷⁵. Я же не сомневаюсь, что моими реликвиями являются письма многих именитых французских и советских историков, наиболее ценными среди которых я всегда считал письма Жака Годшо.

Полагаю, к Годшо полностью применимы слова, произнесенные В. Гюго на похоронах О. Бальзака 20 августа 1850 г.: «Великие люди сами себе сооружают пьедестал; статую воздвигнет будущее»⁷⁶. *Sit ci terra levis*.

⁷⁵ Рабинович М.Б. Лектор, ученый, человек // Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М., 1982. С. 291.

⁷⁶ Гюго В. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 15. М., 1956. С. 219. Попутно отметим, что история доказала правоту единственно возможного прогноза Гюго: даже во Франции на рубеже 1870-1880-х гг. никто не изъявлял желания воздвигнуть памятник Бальзаку, что побудило Э. Золя, его достойного преемника во второй половине XIX столетия, написать при обсуждении в 1880-1881 гг. вопроса о сооружении памятника А. Дюма-отцу: «Он (Бальзак – В.П.) человек гениальный и может подождать, он рано или поздно получит свой памятник». См.: Золя Э. Памятник Бальзаку // Золя Э. Рассказы и статьи. М., 1952. С. 234.